

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Г. САБЛИНА

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ СТАТУСА СРЕДНИХ СЛОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кристаллизация как условие формирования среднего класса

В настоящее время в отечественной литературе отсутствует четкое представление о критериях выделения среднего класса и, соответственно, о его наличии в пространстве трансформирующегося социума, размерах, составе, источниках пополнения и т.п. Поиск его прототипов среди элементов социальной структуры обнаруживает средний слой, обладающий культурным и деятельностным потенциалом и претендующий на выполнение соответствующих функций [1, с. 19]. Наличие “среднего протокласса” требует изучения возможностей и вероятности превращения его в полноценный класс (для этого считаются необходимыми, например, модернизация и структурное преобразование экономики, изменение психологии, стереотипов поведения [2, с. 34-35] и т.п.). Из западных работ в данной области известно еще одно условие, обозначенное как процесс кристаллизации статуса. На наш взгляд, использование концепции статусных рассогласований [3] расширяет проблемное и дискуссионное поле, способствует формированию нового взгляда на одну из наиболее актуальных проблем отечественных стратификационных исследований.

Впервые роль кристаллизации (или консистентности) статуса в процессе формирования социального класса описана в работах У. Ландейкера [4] и Л. Брума [5], использовавших своеобразный синтез стратификационного и классового подходов. Стратификационный анализ предполагает выделение в

Саблина Светлана Геннадиевна – доцент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета. **Адрес:** 630058 Новосибирск, ул. Сиреневая, д. 41, кв. 100. **Телефон:** (3832) 397412. **Факс:** (3832) 397216. **Электронная почта:** sablina@seo.nsc.ru

Работа выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Средние слои в социальной стратификации современной России» – Мегапроект Института «Открытое общество» «Развитие образования в России».

многомерном социальном пространстве страт (кластеров, совокупностей) индивидов с общими характеристиками (доход, профессия, образование и т.п.). Страты как статистические образования не тождественны сознательно опознаваемым классам. Аналитически разводя понятия «слой» и «класс», авторы утверждали, что консистентность, или гомогенность слоя выступает одним из условий его «превращения» в реально существующий класс. Если страта состоит из элементов со сходными статусными профилями, то складываются более благоприятные условия для осознания общности положения в социальной структуре и формирования близости мировоззренческих характеристик.

Развивая оригинальные идеи и методологию У. Ландейкера и Л. Брума применительно к анализу социальной структуры российского общества, можно предположить, что кристаллизация статуса выступает одним из условий формирования среднего класса (или, по крайней мере, его ядра). Это многогранное явление подразумевает, во-первых, консистентность наиболее значимых объективных составляющих личного статуса, важнейшими из которых в современных социальных системах считаются инвестиции и вознаграждение; во-вторых, согласованность объективно консистентного положения, которое является благоприятным фактором для осознания своего места в системе слоев, а также общегрупповых взглядов и интересов, что приводит к кристаллизации объективных и субъективных параметров; в-третьих, воспроизводство кристаллизованной (консистентной) статусной ситуации, так как для созревания среднего класса требуется длительное время [2, с. 35], в течение которого формируются определенные мировоззренческие характеристики, специфический стиль жизни и т.п.

Все перечисленные компоненты этого процесса значимы, так как только их совокупность может выступить одним из факторов «превращения» индивидов, занимающих срединные положения в социальных иерархиях, в представителей среднего класса. Немаловажное значение при этом имеет концентрация в социальном поле критической массы консистентных субъектов.

Некоторые аспекты кристаллизации в той или иной степени описаны в работах отечественных и восточно-европейских социологов, изучающих трансформационные процессы в постсоциалистических обществах. Термин «статусная кристаллизация» все активнее включается в понятийный аппарат анализа социального неравенства.

Восточно-европейские социологи, фиксируя закономерность рестратификации, рекомпозиции статусов индивида по мере перехода к рыночным формам социальной организации [6, 7, 8], обращают внимание на два компонента этого процесса, иллюстрируемые следующими примерами. Кристаллизации стратификационной лестницы в Польше в 80-90-е гг. способствовали, во-первых, увеличивающаяся консистентность образования и дохода как проявление баланса между инвестициями и вознаграждением индивида и, во-вторых, согласованность этих объективных характеристик с мировоззренческими, проявляющаяся в сходных ценностных ориентациях у представителей одной и той же социально-профессиональной группы [6, с. 353]. Формирование среднего класса в Чехии в 1992-97 гг. сопровождалось кристаллизацией объективных характеристик (образования, дохода, сектора занятости) сред-

них слоев, положительного влиявшей на процесс идентификации [9]. Согласованность объективных характеристик у занимающих срединные позиции в данных иерархиях способствовала осознанию своего положения в системе социальных слоев, что проявлялось в более четкой самоидентификации со средним классом.

В ряде российских исследований отмечается роль кристаллизации при формировании среднего класса. Так, Л. Хахулина называет консистентность статусных и мировоззренческих характеристик средних слоев одним из важных условий классообразования [10, с. 25]. Однако данные мониторинговых исследований ВЦИОМа в 90-е годы свидетельствуют о гетерогенности средней страты [10, с. 33], что, по мнению автора, не способствует образованию хотя бы ядра среднего класса.

Полученные российскими и восточно-европейскими социологами результаты требуют систематизации и развития представлений о сложном явлении, которое в англоязычной литературе обозначается “status inconsistency” (реже употребляются понятия “status incongruence”, “status discrepancy”). Обращение к английской версии этого термина не случайно, так как именно в американской социологии в 50-60-е годы происходило становление концепции статусной неконсистентности как приложения к теории социальной стратификации. В рамках концепции оформились три версии анализа статусных рассогласований, получивших условные названия объективной, субъективной и нормативной [3, с. 62-63].

Исторически первым возник объективный подход, рассматривающий неконсистентность статусов как фактор, влияющий на поведение индивида. Наличие статусной ситуации, классифицируемой как рассогласованность, фиксировалось исследователем, вооруженным неким научным инструментом. Основоположник концепции Г. Ленский предлагал определять это явление в терминах неравенства рангов [11]. Статусная кристаллизация или статусная консистентность в его работах обозначают совпадение статусов (в значении ранга социальной позиции) индивида в социально значимых измерениях стратификации.

Подход Ленского был подвергнут критике теми исследователями, которые придавали большое значение сознанию носителей рассогласованных статусов при выявлении консистентной статусной ситуации. Кроме того, развитие объективной версии анализа привело к противоречивым результатам различных исследований: одни авторы подтверждали наличие эффектов статусных несоответствий, другие – отрицали. Первоначальные представления о статусной кристаллизации как ситуации равенства рангов оказались корректными лишь при определенных условиях. В других случаях консистентной могла быть признана ситуация несовпадения рангов (как в объективном смысле, так и в субъективном – например, в массовом сознании). Однако если исследователь работал в рамках объективной версии анализа, он вполне мог оперировать дефиницией Ленского.

Расширение представлений о статусной кристаллизации привело к развитию субъективного и нормативного подходов. Странники нормативной версии определяют и измеряют неконсистентность не через неравенство рангов, а через отклонение от нормативно ожидаемых профилей [12]. Исходным

моментом анализа выступают представления о «правилах конгруэнтности» – моделях статусов, которые нормативно ожидаемы либо самими индивидами, либо их социальным окружением, а сущность рассогласований сводится к нарушению этих правил [13].

Субъективный аспект неконсистентности впервые описан в работе Л. Брума, подчеркивавшего различия между осознанием положения и самим положением в социальной структуре [5, с. 480]. Акцент в этой версии анализа делается на осознании индивидом, вооруженным жизненным опытом и чувствами, своей статусной ситуации. В дальнейшем среди исследователей установилось почти полное единодушие по поводу принципиальной необходимости анализа субъективной неконсистентности. Однако использование данного подхода в эмпирических исследованиях привело к созданию различных способов ее выявления, и полученные результаты оказались абсолютно несопоставимыми [14, с. 30].

Обладая известными недостатками, каждая из версий концепции имеет ограниченный объяснительный потенциал, и лишь на основе их синтеза можно сформировать целостное представление о феномене кристаллизации.

Статусная неконсистентность определяется нами как существенные несовпадения статусов субъекта в разных измерениях социальной стратификации. Это определение может быть использовано при любой версии анализа, так как разница между ними заключается лишь в различном понимании *существенности* несоответствий (в объективной версии это делает исследователь, вооруженный научным инструментом, в субъективной – носитель рассогласованных статусов).

Консистентность статусных характеристик индивида является одним из компонентов процесса кристаллизации. Еще один его компонент – соответствие объективных и осознаваемых статусов, в результате чего формируются общие для представителей данного слоя мировоззренческие характеристики (политические взгляды, ценностные ориентации и т.п.). В отечественной литературе эта проблематика обсуждается в рамках соотнесения объективных и субъективных, а также стратификационных и нестратификационных критериев принадлежности к среднему классу [15, с. 30; 16, с. 46-48].

Теоретические представления о третьем компоненте явления кристаллизации известны по работам одного из основоположников функциональной концепции стратификации К. Дэвиса [17]. Если термин «статусная неконсистентность» акцентирует внимание на статическом аспекте проблемы, то динамический аспект нашел отражение в понятии «устойчивость статуса». Оно предполагает соответствие, прежде всего, во времени рангов одной и той же характеристики субъекта, а также социальной структуры в целом. Эта грань кристаллизации также находится в центре внимания российских исследователей. Так, Ю. Левада, используя в качестве информационной базы данные мониторинговых исследований ВЦИОМа, пришел к выводу об устойчивости структуры [18]. Обнаружено наличие устойчивых представлений в массовом сознании о распределении индивидов по ступеням социальной лестницы, существенно не изменившихся в 90-е годы, несмотря на катаклизмы перемен. Некоторые результаты, по мнению автора, свидетельствуют об устойчивости не только структуры, но и положения индивида во времени (су-

ществленным ограничением анализа является измерение не объективных характеристик, а мнений респондентов об этом процессе).

В нашем исследовании, посвященном кристаллизации статусов в разных фрагментах социальной структуры, а также ее устойчивости в современном российском обществе, мы опирались на описанные выше представления о роли консистентности в процессе классовообразования.

Информационной базой исследования послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), включающего четыре раунда (1994, 1995, 1996 и 1998 гг.) [19]¹.

Субъективная неконсистентность: богатство, власть, уважение

Вторичный анализ данных РМЭЗ наложил некоторые ограничения на исследование проблемы кристаллизации статусов. Инструментарий опроса оказался наиболее эффективным при изучении статусов богатства, власти и уважения (уважение и престиж рассматриваются в данном случае как синонимы) в субъективном аспекте. Согласно теоретическим представлениям одного из основоположников многомерного подхода к исследованию стратификации М. Вебера, эти характеристики можно рассматривать как типы распределяемого в социальной системе вознаграждения. В периоды социальных потрясений увеличивается рассогласованность основных измерений стратификации, обусловленная не только их относительной независимостью, но и специфическими процессами, протекающими в нестабильной среде [20].

Таблица 1

Распределение респондентов по ступеням социальных лестниц богатства, власти, уважения и профессионального мастерства, 1994-98 гг., %

	1994	1995	1996	1998
<i>Ступени лестницы богатства</i>				
Низшая	51,3	52,3	51,0	57,3
Средняя	45,4	43,8	44,0	38,6
Высшая	1,9	1,7	1,9	1,6
Отсутствует идентификация	1,4	2,2	3,1	2,5
<i>Ступени лестницы власти</i>				
Низшая	68,0	65,0	64,2	68,2
Средняя	27,6	29,6	29,5	25,5
Высшая	1,9	1,8	1,9	1,5
Отсутствует идентификация	2,5	3,6	4,4	4,8
<i>Ступени лестницы уважения</i>				
Низшая	12,2	11,9	9,9	10,9
Средняя	50,9	52,7	51,2	48,4
Высшая	32,8	30,2	31,2	32,7
Отсутствует идентификация	4,1	5,2	7,7	8,0
<i>Ступени лестницы профессионального мастерства</i>				
Низшая			19,5	19,9
Средняя	*	*	35,0	34,2

¹ Базы данных предоставлены Институтом социологии РАН.

Высшая	31,5	33,6
Отсутствует идентификация	14,0	12,3

* В вопросниках 1994 и 1995 гг. данный вопрос отсутствовал.

В каждом раунде респондентам задавались идентификационные вопросы, касающиеся самооценки позиции на шкалах (социальных лестницах) богатства, власти и уважения, которые имели девять ступеней. При анализе устойчивости структуры рассматривались три уровня иерархии – низший, средний и высший, – объединявшие по три ступени. Сконструированные таким образом слои выступали в качестве условных статистических совокупностей, которые могут считаться прототипами реально существующих страт. Распределение респондентов по ступеням социальных лестниц не претерпело существенных изменений за рассматриваемый период (табл. 1). Несмотря на происходившие в социальной системе изменения, наблюдается относительная устойчивость представлений о стратификационной структуре в массовом сознании населения. Однако после кризиса 1998 г. (опрос проводился в конце года) увеличилась доля людей, относящих себя к низшим слоям, особенно в иерархиях богатства и власти. В 1998 г. наблюдается снижение доли срединных слоев в структуре, которая оставалась относительно стабильной в 1994-96 гг.

Срединные слои современной России могут рассматриваться в качестве социальной базы будущего среднего класса, так как промежуточное положение между «верхами» и «низами» является одной из качественных характеристик последнего в развитых обществах Запада [1, с. 6-7]. Превращению среднего слоя в полноценный класс способствует процесс кристаллизации положений, субъективный аспект которых оценивался на данных РМЭЗ. Интерес представляли респонденты, обозначившие свои позиции на всех трех лестницах – богатства, власти, уважения – как срединные (ступени «4», «5», «6»). Обнаружена незначительная доля индивидов с консистентной статусной ситуацией в структуре взрослого населения: составляя около 12-14% в первых трех раундах, она резко уменьшилась в 1998 г. – с 13,6% до 9,8% (табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности респондентов с кристаллизованными на среднем уровне статусами, 1994-98 гг.

	1994	1995	1996	1998
Численность взрослых респондентов, чел.	8890	8416	8342	8699
Численность респондентов с кристаллизованными статусами:				
Абсолютная, чел.	1044	1153	1133	858
Относительная, %	11,7	13,7	13,6	9,8

Более глубокий анализ масштабов рассогласованности статусов в рассматриваемом фрагменте опирался на известные по западным исследованиям процедуры выявления субъективной неконсистентности [21, 22]. Для ее

измерения были выбраны два показателя: показатель Г. Ленского, отражающий степень отклонения рассматриваемой конфигурации статусов от консистентной [3, с. 60], и показатель разницы рангов, фиксирующий величину расхождения двух статусных характеристик² [13, с. 420-421].

По данным РМЭЗ, в 1994-98 гг. доля респондентов с кристаллизованными статусами богатства, власти и уважения находилась в пределах 36-42%; при этом наблюдалось относительно резкое снижение консистентности в последнем раунде – с 41,3% до 36% (табл. 3).

Таблица 3

Распределение респондентов по типам субъективной статусной ситуации, 1994-98 гг. (первый измеритель, %)

Тип статусной ситуации	1994	1995	1996	1998
Консистентность богатства, власти, уважения	38,7	41,6	41,3	36,0
Неконсистентность богатства, власти, уважения	61,3	58,4	58,7	64,0

Анализ рассогласованности в парах статусных характеристик позволяет преодолеть ограниченность показателя Г. Ленского, нивелирующего конкретные статусные конфигурации при вычислении степени кристаллизации. При использовании второго измерителя получены аналогичные результаты, свидетельствующие о снижении масштабов консистентности в 1998 г. (табл. 4). Наиболее согласованными оказались самооценки богатства и власти, уровень которых соответствовал друг другу у 72,5% респондентов (1998 г.). В остальных парах статусов степень консистентности гораздо меньше, что, вероятно, обусловлено относительной независимостью иерархии уважения от иерархий как богатства, так и власти.

Таблица 4

Распределение респондентов по типам субъективной статусной консистентности, 1994-98 гг. (второй измеритель)

Тип статусной консистентности	1994		1996		1998	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Консистентность богатства и власти	6068	69,6	5794	73,3	5966	72,5
Консистентность богатства и уважения	3291	38,3	2854	37,5	2462	31,0
Консистентность власти и уважения	2497	29,2	2211	29,3	2043	26,0

Данные РМЭЗ свидетельствуют об устойчивости рассматриваемой структуры в 1994-98 гг., проявляющейся в сходных распределениях индивидов по ступеням идентификационных лестниц богатства, власти и уважения. Доля респондентов, обозначивших свои позиции как срединные в указан-

² Консистентной считалась ситуация равенства рангов или их различия на единицу.

ных иерархиях, также не претерпела существенных изменений. Резкое снижение в последнем раунде консистентности основных измерений стратификации привело к сокращению относительной численности кристаллизованных на среднем уровне респондентов. Ответы на идентификационные вопросы дают представление о незначительной доле индивидов (в пределах 10-14%), которые могут быть условно отнесены к среднему классу, а также их рассеянности в социальном пространстве.

Баланс инвестиций и вознаграждения

Кристаллизация инвестиций и вознаграждений, по мнению восточно-европейских социологов, создает благоприятные условия для формирования среднего класса в трансформирующемся обществе [8, 9]. Эффективность функционирования социальной системы во многом зависит от их сбалансированности, которая поддерживается рынком труда (в капиталистических обществах) или системой централизованного планирования (в бывших социалистических). Однако в периоды нестабильности баланс этих характеристик неизбежно нарушается вследствие существующей аномии. Сбои в механизме стимулирования приводят к тому, что общество оказывается не в состоянии адекватно оценивать некоторые инвестиции индивидов, что приводит к изменению самой классической схемы вознаграждения по социальным позициям [23]. В понятие вознаграждения включаются новые элементы, возникающие в результате не только оценки затрат индивида системой, но и его собственной оценки вложенных инвестиций («самовознаграждения»).

Кристаллизация данных параметров стратификации в постсоветском обществе характеризуется противоречивыми тенденциями. На данных РМЭЗ обнаружено несоответствие между реально существующим дисбалансом инвестиций и вознаграждения и представлениями о нем в массовом сознании.

Основой субъективных оценок процесса кристаллизации выступало соотношение позиций респондентов на идентификационных лестницах распределяемого вознаграждения (богатство, власть, уважение) и профессионального мастерства. Уровни последней иерархии, включенной в инструментарий только третьего и четвертого раундов, отражали затраты усилий индивида на достижение определенной позиции в профессиональной сфере. Наблюдается высокая, по сравнению с иерархиями вознаграждения, степень устойчивости данной структуры: распределение респондентов по ступеням лестницы практически не изменилось за 1996-98 гг. (табл. 1).

Обнаружено увеличение дисбаланса инвестиций и вознаграждения в последнем раунде, особенно между иерархиями профессионального мастерства и богатства. Если в 1996 г. эти параметры были консистентными у 34,1% опрошенных, то в 1998 г. – у 29% (табл. 5). Уменьшение кристаллизации статусов в этом фрагменте социального пространства сопровождалось увеличением доли «недооплачиваемых» индивидов [8, с. 102] с 56,1% до 61,8% (табл. 6).

В целом иерархии богатства и профессионального мастерства оказались относительно независимыми: переменные, построенные на основе этих лестниц, слабо связаны друг с другом (величина коэффициента Гамма в 1996 г. составляла 0,071, в 1998 г. – 0,053).

Таблица 5

Распределение респондентов по типам субъективной консистентности инвестиций и вознаграждения, 1996-98 гг.

Тип статусной консистентности	1996		1998	
	Всего	%	Всего	%
Консистентность профессионального мастерства и богатства	2415	34,1	2185	29,0
Консистентность профессионального мастерства и власти	2169	30,9	2089	28,1
Консистентность профессионального мастерства и уважения	3642	53,3	3815	52,5

Таблица 6

Распределение респондентов по соотношению статусов богатства и профессионального мастерства, 1996-98 гг.

Тип статусной ситуации	1996		1998	
	Всего	%	Всего	%
Консистентность профессионального мастерства и богатства	2415	34,1	2185	29,0
Превышение уровня профессионального мастерства над статусом богатства	3963	56,1	4659	61,8
Превышение статуса богатства над уровнем профессионального мастерства	695	9,8	698	9,2

Реальная степень кристаллизации инвестиций и вознаграждения отличается от представлений о ней в сознании опрошенных. Основой объективных оценок баланса этих параметров выступало соотнесение позиций респондента на шкале образования³ и квинтильной шкале дохода⁴. Сконструированные на их основе переменные оказались более связанными, чем субъективные измерители инвестиций и вознаграждения, однако за период с 1994 г. по 1996 г. эта зависимость уменьшилась (величина коэффициента Гамма в 1994 г. составляла 0,312, в 1995 г. – 0,310, в 1996 г. – 0,272).

Данные РМЭЗ свидетельствуют о сбалансированности образования и дохода в 1994-96 гг.: в такой статусной ситуации находилось около 63% взрослого населения (табл. 7). Среди рассогласованных по этим характеристикам респондентов доля “недоплачиваемых” увеличилась (с 20,1% до 23,4%), в то время как “переоплачиваемых” – снизилась (с 16,8% до 13,9%).

³ Иерархия образования имела пять уровней: 1. Образование ниже неполного среднего (до 6 классов школы). 2. Неполное среднее образование (7-8 классов). 3. Полное среднее образование. 4. Среднее специальное образование. 5. Высшее и поствысшее образование.

⁴ При построении квинтильной шкалы дохода за основу был взят названный респондентом размер его совокупного дохода за предыдущий месяц.

Таблица 7

Распределение респондентов по соотношению образования и дохода, 1994-96 гг.

Тип статусной конфигурации	1994		1995		1996	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Консистентность образования и дохода	4377	63,1	3988	63,3	3279	62,8
Превышение уровня образования над уровнем дохода	1394	20,1	1373	21,8	1221	23,4
Превышение уровня дохода над уровнем образования	1169	16,8	973	14,9	725	13,9

Выявлено определенное соответствие между высшим образованием и высоким уровнем дохода, что может способствовать формированию среднего класса. Представители последнего должны обладать “достаточным уровнем образования для выполнения своих профессиональных и социальных функций, для реализации жизненных притязаний” [24, с. 75]. Слой таких специалистов может выступать как база для рекрутирования среднего класса [15, с. 33]. Однако шансы на получение адекватного диплома о высшем образовании материального вознаграждения за рассматриваемый период уменьшаются: доля респондентов с высшим образованием в пятом квинтиле по доходу (наиболее обеспеченные) снижается, составляя в 1994 г. 38,9%, в 1995 г. – 36,5%, в 1996 г. – 35,4%.

Более информативным, на наш взгляд, является не сам факт наличия высшего образования, а его качество. Одним из его индикаторов выступает востребованность индивида на рынке труда, возникающая при соответствии полученных знаний и навыков требованиям современной ситуации. В настоящее время существует масса возможностей получения рыночно ориентированного образования в государственных и негосударственных учебных заведениях, на курсах, школах, семинарах.

По данным РМЭЗ, обучение на разного рода курсах, формирующих дополнительные навыки адаптации в меняющейся среде, проходило в течение последних двух-трех лет от 4% (на курсах, не связанных с имеющейся специальностью) до 6% (по своей специальности) взрослого населения. Шансы получения высоких доходов в результате такого образования не уменьшаются даже в периоды серьезных социальных потрясений: в 1998 г. по сравнению с 1996 г. концентрация респондентов, обучавшихся на каких-либо курсах, в пятом квинтиле по доходу увеличилась (табл. 8).

Таблица 8

Доля респондентов, обучавшихся на курсах в течение последних двух-трех лет, в пятом квинтиле по доходам, 1995-98 гг., %*

	1995	1996	1998
Респонденты, обучавшиеся на курсах повышения квалификации по своей профессии, специальности	39,5	35,8	40,0

Респонденты, обучавшиеся другой профессии, специальности, иностранным языкам на каких-либо курсах 42,4 31,7 34,7

* В вопроснике 1994 г. отсутствовала информация об обучении респондента на каких-либо курсах в течение последних трех лет.

В целом фиксируемый процесс кристаллизации объективных измерителей в системе инвестиции – вознаграждение не находит отражения в сознании населения. Изучение несоответствия объективных и субъективных параметров требует более детальной информации, в частности, об основаниях оценки собственной позиции на социальных лестницах, которая отсутствовала в инструментарии мониторинга.

Кристаллизация статуса в широком смысле пока не получила распространения в российском трансформирующемся обществе. Концентрация консистентных субъектов в социальном поле остается незначительной. Наиболее зависим от социальной системы и траекторий ее развития формирующийся средний класс. В периоды резких изменений, яркой иллюстрацией которых служит кризис 1998 г., степень декомпозиции его статусов увеличивается, и это оказывает соответствующее влияние на процессы классовобразования.

Для формирования среднего класса необходима и благоприятная социальная среда, а также наличие у субъекта определенного образовательного, квалификационного и деятельностного потенциала [1, с. 19]. Так, стремление получить специальность, обеспечивающую функционирование рынка, приводит к востребованности в новых условиях, что влияет на процесс кристаллизации инвестиций и вознаграждения. Кроме того, представители среднего протокласса, обладая соответствующим потенциалом и не ожидая оценки своих инвестиций со стороны социальной системы, начинают искать пути “самовознаграждения”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о “среднем классе” российского общества // Мир России. 1998. № 4.
2. *Умов В.И.* Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4.
3. *Богомолова Т., Саблина С.* Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. ¹ 10-11.
4. *Landecker W.* Class crystallization and class consciousness // American Sociological Review. 1963. Vol. 28.
5. *Брум Л.* Социальная дифференциация и стратификация // Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.
6. *Domanski H.* The recomposition of social stratification in Poland // Polish Sociological Review. 1994. N 4.
7. *Machonin P., Tucek M.* A historical comparison of social structures in the Czech Republic in the years 1984 and 1993 // Czech Sociological Review. 1994. N 2.
8. *Slomczynski K.M.* Formation of class structure under conditions of radical social change: An East European experience // The Kalamari Union: Middle class in East and West / Ed. by M. Kivinen. Ashgate, 1998.

9. *Mateju P.* The middle class formation in the Czech Republic: Working papers of the research project "Social Trends". June. 1998.
10. *Хахулина Л.* Субъективный средний класс: Доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. ¹ 2.
11. *Lenski G.* Status crystallization: A non-vertical dimension of social status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19.
12. *Goffman I.* Status consistency and preference for change in power distribution // American Sociological Review. 1957. Vol. 22.
13. *Саблина С.* Статусная рассогласованность в постсоветский период // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999.
14. *Wuggenig U.* A dying theory? A critical assessment of some aspects of status inconsistency research, 1950-1983 // Status inconsistency in modern societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag, 1986.
15. *Беляева Л.* «Новые средние» в России // Свободная мысль. 1998. № 7.
16. *Урнов М.* Стимулирование развития среднего класса в России как управленческая и политическая задача // Средний класс в России: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во Ин-та экономических проблем переходного периода, 1998.
17. *Дэвис К.* Концептуальный анализ стратификации // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
18. *Левада Ю.* "Средний человек": Фикция или реальность? // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2.
19. *Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М.* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): Измерение благосостояния россиян в 90-годы // Мир России. 1999. № 3.
20. *Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
21. *Nelson E. E.* Status inconsistency: Its objective and subjective components // The Sociological Quarterly. 1973. Vol. 14. N 1.
22. *Starnes C. E., Singleton R.* Objective and subjective status inconsistency: A search for empirical correspondence // The Sociological Quarterly. 1977. Vol. 18. N 2.
23. *Дэвис К., Мур У.* Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
24. *Беляева Л. А.* В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7.